

Г О В О Р Я Щ А Я П А М Я Т Ь

Заметки о телерассказе «Дом Твардовского»

Бывает память тяжелая, древняя, едва сохранившаяся, вызывающая догадки и предположения, о которых спорят люди науки, память, воплощенная в надписи, едва сохранившейся на развалинах тысячелетних зданий. Бывает память, отделенная от нас столетием и нашедшая свое отражение в книгах, воспоминаниях. Они изучаются, сопоставляются, и картина времени, в котором действовал писатель или художник, возникает перед глазами чаще всего неполная, приблизительная, с пустотами, потому что свидетелей нет и, следовательно, нет живого, звучащего слова.

Но есть другая, молодая память — вчерашняя, оставшаяся в сердцах живых и любивших. В ней отразилось то, что не ищет и не находит себе места в сборниках воспоминаний. Она состоит из незамеченного, забывшегося случайно, мелочей, подробностей, деталей, некогда мелькнувших, а теперь получивших новое, полное жизни значение.

Я думал об этом, слушая В. Лакшина, который шаг за шагом восстановил ее биографию А. Твардовского, а ту атмосферу, в которой он жил и работал. Казалось бы, перед В. Лакшиным была непреодолимая по трудности, а может быть, и невыполнимая задача. Как же он справился с нею? В «Последних днях» М. Булгакова Пушкин показывается только раз, когда, смертельно раненного, его пронесают через сцену. Но Булгаков широко пользовался бесмертным искусством воображения. Персонажи пьесы говорят слова, которые он вложил в их уста. Он свободно распоряжается воспоминаниями о поэте, он смело вводит новые персонажи. В телевизионной картине «Дом Твардовского» нет места воображению. Все, вплоть до забытого Твардовским на столе пачки сигарет, не выдуманно, но скромная и поражающая своей скромностью правда.

Поэзия Твардовского участвует в фильме как некий путеводитель, который ведет к временам его юности, к далеким уже дням войны, к тем, кто его знал и любил. Отчий дом не сохранился. Но Лакшин едет на родину поэта, чтобы увидеть своими глазами землю, на которой стоял этот дом, и найти людей, которые помнят

не только его отца, но и деда.

Вот что мы слышим на фоне панорамы Загорья: «Родина — слово для Твардовского не громкое, но полное, целый мир понятий, дорогих на всю жизнь: семья, детство, уголок чахлой земли, где стоял отцовский хутор, самодельный прудик, кузница, голос жницы, долетавший с поля.

И что ж такого,

что с годами

Я к той поре

глухим не стал.

И все взыскательнее

память,

К началу всех моих начал».

Музея нет, нет ни кузницы, ни двора, ни дома. Но все это возникает перед глазами, вдохновенное любовью к другу. Все проникнуто духом Твардовского, его незримым присутствием, отражением его поэзии на разоренной войной и временем земле. И все это дарит нам чудо телевидения, которое давным-давно никому не кажется чудом. Так постепенно, шаг за шагом перед нами выстраивается личность Твардовского, как пьеса, в которой отсутствует герой, но в которой все пронизано памятью о нем, полной значения. И выстраивается она в звучащем слове свидетеля и друга.

Что же такое, это звучащее слово? Без преувеличения можно сказать, что самый факт появления такого произведения, как «Дом Твардовского», — новость в искусстве. Стоит только вообразить, что телевидение существовало в пушкинские времена, и сразу станет ясно, какой пронзающий свет был бы брошен на все не разгаданное до сих пор, все, что служит предметом кропотливого, настойчивого изучения.

По мере своего развития рассказ В. Лакшина усложняется. Новые люди появляются на экране, но это отнюдь не выдуманные, а существующие, реальные люди. Их можно назвать персонажами памяти, которая выстраивает в этом фильме как бы летописный сюжет. Вот перед нами Ефросинья Лазаревна Иванова, которая хорошо помнит всю семью Твардовских и рассказывает о ней естественно, свободно, живо. Вот Андрей Семенович Кузьминский — сверстник Александра Трифоновича и его товарищ по школе. В их рассказах перед нами проходит то, что мож-

но назвать фоном поэзии Твардовского, ее средой, окружением, обстановкой. Эти кадры относятся к молодости поэта, и, как мерцающая в полумраке свеча, их освещает красивое, молодое лицо, трогательное лицо, в котором сияние первых поэтических лет как бы умеряется уже многое увидевшими глазами.

Для этого «фона», как, впрочем, и для всего фильма в целом, избраны не боковые, случайные линии жизни. Избрано изначальное, и это относится не только к молодости, но и к годам войны. Идя по следам биографии Твардовского, мы неотступно приближаемся к самому понятию «память», без которого поэзию Твардовского вообразить невозможно. А память стоит рядом с совестью в каждой строчке, которую он написал. Вот откуда взялись его лучшие произведения, вот откуда взялось его знаменитое «Я убил подо Ржевом». А совесть — это та дверь, в которую вы входите, открывая любимые страницы произведений Твардовского. Он с горечью праздновал торжество Победы, он был потрясен, слушая ее литавры, наблюдая ее салюты. Он неотступно помнил о неслыханных бедствиях войны, и это чувство осталось у него на всю жизнь.

...Кому память, кому слава,

Кому темная вода,

Ни приметы, ни следа.

Он сизмальства видел, расказывает В. Лакшин, как бился, пытаясь поднять семью из нужды, его мать и отец. Он не понаслышке знал, что стало с водным краем в войну и как трудно было строить дом на пепелище. А ему хотелось, чтобы жизнь народа была счастлива и спокойна, чтобы люди жили по правде.

Но, живя по правде, он требовал этого и от других.

С тропы своей ни в чем

не сступая,

Не отступая — быть

самим собой.

Фильм «Дом Твардовского» хорош не только тем, что он подобрал и сохранил навеки то, что было бы, без сомнения, безвозвратно утеряно, потому что жизнь идет и новое сменяется новым, будущее мерещится, скрывая свою недоступную тайну. Он хорош потому, что проникнут любовью к поэзии, без которой жизнь пуста и ничтожна.

Вениамин КАВЕРИН.